

ПОЛИТИЯ

А.А.Казанцев

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: МУКИ РОЖДЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В.Куренного. — М., 2006.

Анализ структурных составляющих политической науки является одним из традиционных занятий политологов (в качестве примера здесь можно привести классическую работу Г.Алмонда «Разделенная дисциплина: Школы и секты в политической науке»¹). С другой стороны, для русской интеллигенции характерна постоянная саморефлексия (часто через издание различных идейных сборников, вроде знаменитых «Вех»).

Сборник «Мыслящая Россия» (особенно его второй раздел, «Политика»²) вполне может быть прочитан политологом в ракурсе проблемы отдаленности профессиональной российской политической науки от общего контекста политической мысли русской интеллигенции. Поэтому сборник находится где-то посередине между двумя этими традициями.

В целой серии статей сборника содержится анализ «пространств» или «полей» интеллектуально-политического производства, интегрированных наличием общих базовых символов, картин мира и ценностей, соотносимых прежде всего с «большими идеологиями»: либерализмом, консерватизмом, «левыми» взглядами и национализмом. При этом читателя приятно поражает теоретическая фундированность анализа этих полей, придающая ему достаточно серьезную социологическую ценность.

Практически все статьи отличает пристальное внимание к подбору источников (печатных и электронных журналов, интернет-сайтов) и организационным формам существования тех или иных интеллектуальных парадигм (кружкам и клубам, сетевым структурам). Это придает работе большую *прикладную ценность*, так как приведенный материал позволяет политологам (прежде всего молодым) разрабатывать стратегии эффективной интеграции в соответствующие поля интеллектуально-политического производства. Поэтому книга может внести определенный вклад в структурирование политической мысли.

Исходной проблемой сборника становится традиционный вопрос о русской интеллигенции как о единственном в нашей стране социальном слое – носителе знаний об обществе. Специфика социального слоя предопределяет и особый характер социально-политического знания.

¹ Almond G. A. *Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*. Newbury Park, CA, 1990.

² Сборник включает также разделы «Интеллектуальный процесс», «Общество», «Экономика», «Население и территория», «Взгляд со стороны». В них рассматриваются либо процессы, происходящие в смежных с политической мыслью областях (социология, демография, экономика, геополитика), либо наиболее общие проблемы – характер интеллектуальных процессов в России, специфика восприятия российской мысли за рубежом.

Интеллигенцию характеризует, во-первых, *интегральное мировоззрение, неспециализированное знание об обществе*. Подобное знание не укладывается в четкие границы дисциплин и субдисциплин социальных наук³.

Интеллигентность в России традиционно связана со специфическим стилем жизни, особыми морально-поведенческими кодами. Интеллектуальным продуктом русской интеллигенции *становятся преимущественно проекты спасения России и мира, а не специализированное знание о мире политики*.

«Существование такого интеллигента, однако, возможно лишь в определенном обществе – обществе, которое не слишком сложно. Если же оно движется в сторону нарастания функциональной специализации и, соответственно, дифференциации элементов, то фигура «интегрального интеллигента» испытывает кризис и начинает исчезать как социально значимый феномен»⁴. Таким образом, появляется слой профессионалов-интеллектуалов, постепенно заменяющий собой интеллигенцию. Одним из продуктов работы этого слоя становится политическая наука как разновидность специализированного знания об обществе.

Однако специфика современной России заключается в том, что процесс профессиональной дифференциации интеллигенции и становления слоя интеллектуалов еще не завершен. *В связи с этим не завершен еще и процесс дифференциации политической науки от интегральной политической мысли*⁵. В частности, следствием незавершенности такого перехода становится недостаточная дифференциация субдисциплин внутри современной российской политологии, а также (постепенно преодолеваемое) стремление к созданию дилетантских интегральных теорий⁶. Другой проблемой является недостаточная детальность политологического знания⁷ и его оторванность от социально-политической реальности⁸.

С точки зрения авторов сборника Россия представляет собой одну из стран «подражательной модернизации»⁹. Русская интеллигенция заимствует на Западе способы понимания собственного общества; в результате эти интеллектуальные конструкции утрачивают свой исходный социальный контекст (деконтекстуализация теорий).

В связи с деконтекстуализацией политического знания в России во многих статьях сборника ставится вопрос о соотношении политических идей российской интеллигенции и структур повседневности (традиционная проблема «разрыва» между «интеллигенцией» и «народом») ¹⁰. В результате российские интеллектуалы оказываются в положении не столько ученых, изучающих реальность, сколько в положении разработчиков проектов, зачастую заведомо нереалистичных.

Наиболее радикальная точка зрения высказана С.Кордонским¹¹. Отечественные социальные науки, включая политологию, считает он, характеризует полное отсутствие какого-либо знания о реальных процессах в обществе. Экспертное знание нацелено на предложения по приведению реальности в соответствие с абстрактными схемами, без

³ Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия. С. 9.

⁴ Указ. соч. С. 8.

⁵ Указ. соч. С. 9. См. также интервью с В.Радаевым (с. 35–46) и Б.Капустиним (с. 61–73).

⁶ Политическая теория. Беседа с Б.Капустиним // Мыслящая Россия. С. 61–73.

⁷ Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия. С. 18.

⁸ Мифологемы знания. Беседа с С.Кордонским // Мыслящая Россия. С. 27–35.

⁹ Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия. С. 13.

¹⁰ См. в особенности: Дмитриева Т., Фетисов М. Левые // Мыслящая Россия. С. 94–117; Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия. С. 117–141.

¹¹ Мифологемы знания. Беседа с С.Кордонским // Мыслящая Россия. С. 27–35.

готовности следовать каким-либо ограничениям. Специфической формой создания таких схем трансформации реальности становится обслуживание различных лоббистских интересов.

В результате резкого отчуждения научных и идеологических смыслов от смыслов повседневной реальности возникает проблема социальной *маргинальности* российской социально-политической мысли в целом¹². Ее влияние на общество (например, через систему образования, взаимодействие науки и средств массовых коммуникаций, экспертные оценки) оказывается существенно меньшим, чем в странах классической западной традиции.

В условиях подражательной модернизации властные структуры в России также превращаются в механизмы преобразования социальной реальности на основе заимствованных и потерявших свой социальный контекст западных (модерных) институтов. Последние становятся не способами упорядочения *уже существующих* моделей социального поведения (имеющих своих реальных социальных носителей), а искусственно имплантированными государством учреждениями. Реальные социальные институты зачастую могут радикально не совпадать с этими учреждениями. Так для российской политической мысли возникает традиционная проблема соотношения *Власти и Мысли*¹³.

В статье Р.Хестанова «Внештатный агент правительства» анализируется специфический российский способ делегирования полномочий правительственными институтами политическим экспертам. В его рамках функцией экспертов оказывается прежде всего организация провокаций, проведение тайных информационных и пропагандистских операций. Таким образом, многие чисто экспертные (связанные со знанием о закономерностях общественно-политической жизни, с научным обеспечением проводимой политики) функции российских политологов практически не востребованы.

Отчуждение научно-экспертного знания в России от широкого социального контекста, по мнению Б.Капустина, ведет также к широкому распространению различных политтехнологий, понимаемых как способы радикальной перестройки массового политического сознания¹⁴. В этом плане роль элиты экспертов-политологов как «наемных технических специалистов» на службе у властей является оборотной стороной потери ими контакта с обществом и социальной реальностью.

Морально-идеологические дилеммы и формы борьбы за ресурсы (получаемые благодаря «близости к трону»), складывавшиеся в различные периоды постсоветской истории, рассматриваются в статьях о либералах и консерваторах¹⁵.

Важной проблемой, поднимаемой в рецензируемом сборнике, является вопрос о соотношении глобального и национального интеллектуальных контекстов. С одной стороны, развитие глобальных сетевых связей по-прежнему обеспечивает распространение в России «модных» западных идеологических тенденций (различные варианты неоконсерватизма для либералов, альтерглобализм для «левых»), движение

¹² Этот вывод особенно хорошо просматривается в статье о левых – Дмитриев Т., Фетисов М. Левые // Мыслящая Россия. С. 113.

¹³ Хестанов Р. Внештатный агент правительства // Мыслящая Россия. С. 73–84; Кильдюшов О. Внешняя политика // Мыслящая Россия. С. 158–183; Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия. С. 117–141; Макаренко Б., Макаркин А. Либералы // Мыслящая Россия. С. 84–94.

¹⁴ Политическая теория. Беседа с Б.Капустиным // Мыслящая Россия. С. 64.

¹⁵ Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия. С. 117–141; Макаренко Б., Макаркин А. Либералы // Мыслящая Россия. С. 84–94.

«новых правых» для консерваторов и т. д.). С другой стороны, существуют специфические для России формы интеллектуально-политического производства, связанные либо с наборами национальных символов и идентичностей (особенно в случае консерватизма и национализма), либо с особыми идеологическими конструкциями (советский марксизм-ленинизм).

Данное соотношение носит динамический характер, а эволюционные тенденции противоречивы. С одной стороны, молодое поколение в большей мере интегрируется в глобальный контекст. С другой стороны, усиливается реакция на этот глобальный контекст в форме либо его реинтерпретации в соответствии с особенностями национальной культуры, либо более или менее радикального и осмысленного его отторжения. Однако сложность со вписыванием в национальный контекст заключается в том, что этот последний, как отмечалось выше, сам в значительной степени состоит из деконтекстуализированных теорий и институтов («западных» по происхождению).

В интервью с Б.Капустиным¹⁶ указанные проблемы поднимаются также в ракурсе развития современной российской политической теории, политической философии и политологии. Они выступают здесь как вопросы усвоения западных политических теорий и создания собственно российской политической теории, преодоления традиционного противостояния «западников» и «славянофилов», сторонников универсального и «уникально»-партикулярного осмысления политических процессов в России.

Сравнивая отечественную политическую мысль с ее зарубежными аналогами, авторы сборника отмечают специфический характер структурирования идеологических «полей» в России. Существенную роль в российском идеологическом поле играет нелиберальный дискурс, относящийся скорее к консервативной, чем к собственно либеральной традиции¹⁷. В то же время в современной России существует тесное и довольно необычное для западной традиции взаимодействие между консервативной, левой и националистической идеологиями¹⁸. Здесь просматриваются даже элементы стабильного синтеза, уничтожающего своеобразие интеллектуальных полей этих трех больших традиций.

Можно также указать на просматривающийся в статьях книги целый ряд возможных способов пересечения, создающих комбинированные поля политико-идеологического производства (консервативно-националистическое, лево-националистическое, лево-консервативное, либерально-консервативное, лево-либеральное и т. д.). Последние будут при этом столь же несводимы как к другим возможным полям, так и к своим структурным компонентам. Интеллектуалы, оказавшиеся в этих «гибридных» полях, получают преимущества от возможности социальной интеграции и диалога с целым рядом взаимоисключающих социальных групп и интеллектуальных парадигм. В то же время они всегда рискуют быть обвиненными в «беспринципности» (типичный пример

¹⁶ Политическая теория. Беседа с Б.Капустиным // Мыслящая Россия. С. 61–73.

¹⁷ Макаренко Б., Макаркин А. Либералы // Мыслящая Россия. С. 84–94.

¹⁸ Следует отметить, что эта тенденция является достаточно распространенной среди стран «догоняющей модернизации», особенно, в Латинской Америке и в Азии.

¹⁹ Случай А. Проханова рассматривается в статье: Малахов В. Современный русский национализм // Мыслящая Россия. С. 149.

такого синтеза, воспринимаемого как «беспринципность», – А. Проханов)¹⁹.

В более или менее латентной форме в статьях сборника присутствует тезис о недостаточно диалогичном и даже во многом взаимоисключающем характере социально-политических идей различного типа в современной России. Указанная тенденция оказалась глубоко укорененной в структуре знаний о социально-политическом мире. Если отсутствует внутренняя интенция к познанию социальной реальности, если существует достаточно серьезный разрыв с этой обыденной реальностью, то политическая мысль вновь и вновь принимает характер непримиримой борьбы утопий.

Во всех статьях сборника, посвященных анализу конкретных идеологических полей, отмечается, что идеологи различных направлений («левых», «либералов», «консерваторов», «националистов») практически не замечают друг друга. Между ними фактически не ведутся какие-либо *детальные* дискуссии, имеющие референтом социально-политическую реальность сегодняшней России. Идеологи разных направлений уже заранее «знают» истинные рецепты «спасения», а своих противников воспринимают как носителей социального зла («агентов Запада» или господствующих над миром «тайных сил» для националистов, представителей сил разрушения для консерваторов, носителей сил «реакции» и «застоя» для либералов и левых). В связи с этим даже существующие незначительные элементы диалога принимают характер взаимных изобличений в невежестве или лжи.

Современные российские консерваторы в принципе могут воспроизвести весь политический спектр России на основе своей символики и не нуждаются в диалоге с оппонентами из других идеологических лагерей. Этот вывод может быть распространен и на другие идеологические платформы²⁰. Однако в этой недIALOGичности по отношению к другим идеологиям лежит и угроза внутреннего распада и внутренней недIALOGичности для каждой из идеологических платформ по отдельности.

Ведь если каждая из платформ может воспроизвести весь идеологический спектр внутри себя, то носители этих новых спектральных красок снова будут воспринимать друг друга как агентов социального зла. Следовательно, «враги» будут непрерывно воспроизводиться, а слабые внутренние коалиции внутри идеологий будут существовать лишь по отношению к врагам внешним. Таким образом, нормальная научная дискуссия, призванная выявить и детализировать истину, оказывается невозможной и внутри идеологических парадигм, а не только между ними.

Диалог «внутри» идеологических полей также приобретает характер «разоблачения», поиска «скрытых» врагов и отступников. Причем последние воспринимаются иногда (особенно на крайних полюсах политического спектра) как большая угроза, чем «открытые» враги (представители других идеологий).

Практически все идеологические поля политической мысли современной России, несмотря на наличие общих элементов в картине мира и общих ценностей, отличаются чрезвычайно высокой степенью

²⁰ Эта установка особенно четко просматривается в статье о консерваторах (Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия. С. 117–141), однако в латентной форме содержится и в других статьях.

²¹ Особенно четко этот вывод просматривается в отношении левых сил (Дмитриев Т., Фетисов М. Левые // Мыслящая Россия. С. 113).

²² Дмитриев Т., Фетисов М. Левые // Мыслящая Россия. С. 114.

²³ Это вытекает как из перечисленных выше особенностей политической мысли в России (ее оторванности от мира повседневности, направленности на изменение реальности, деконтекстуализированного характера), так и из особенностей структурирования социальных сетей российских интеллектуалов (их «сектантский» характер, недIALOGичность, дуалистическая структура мировоззрения).

²⁴ Кильдюшов О. Внешняя политика // Мыслящая Россия. С. 163.

²⁵ Мифологемы знания. Беседа с С. Кордонским // Мыслящая Россия. С. 27–35.

дизинтеграции²¹. Этому способствует, наряду с перечисленными выше факторами, их идеологическая и интеллектуальная размытость²². В принципе любая отдельная сеть российских интеллигентов может воспринимать себя как единственного легитимного носителя «правильного» проекта переустройства общества²³. Поэтому даже сходные по своим взглядам сети могут зачастую восприниматься не как союзники, а как ложные претенденты на «истинное знание». Данная тенденция особенно обостряется в связи с конкуренцией за достаточно скудные или достающиеся немногим ресурсы, связанные с близостью к властным структурам. Особенно четко эта тенденция проявляется в группах, относящихся к крайним полюсам идеологического спектра.

«Идеологическая война» напрямую сказывается на низком статусе экспертного политического знания. «Производимые идеологическими предпринимателями образы мира циркулируют в основном в узких кругах и напоминают скорее результат борьбы за упрочение собственной позиции в поле интеллектуального производства, чем непосредственно связанную с будущим страны ответственную работу национальной элиты»²⁴.

Указанные выше проблемы, характерные для отечественной политической мысли в целом, все еще продолжают сказываться и на постепенно дифференцирующейся от нее политологии. Получаемые результаты часто недостаточно детальны, взаимоисключая либо рассеяны по различным учреждениям и социальным сетям. В то же время площадки для научных дискуссий (и даже знакомства с исследованиями других ученых) недостаточно развиты²⁵. Последнее связано как с недостатком ресурсов, так и с недостаточно высоким общественным статусом дисциплины.

В целом анализ, проведенный в различных статьях книги «Мыслящая Россия» позволяет сделать следующие выводы. Незавершенность процесса дифференциации профессиональной политической науки от интегральной политической мысли интеллигенции приводит в современной России к целому ряду негативных явлений. Последние проявляются прежде всего в специфическом содержании политологического знания (его отрыве от социально-политической реальности), недостаточно дифференцированной структуре политической науки и недостаточной самоорганизации научного сообщества. Это отрицательно сказывается на внешнем престиже политологии в глазах общества и государства, и на конкурентоспособности ее продуктов на внешних интеллектуальных рынках, и на объеме доступных для политологов ресурсов. В то же время долгосрочный процесс профессионального становления политической науки в России продолжается. В ходе этого процесса возможно постепенное преодоление отмеченных выше негативных тенденций, достигаемое путем углубления и детализации знаний о российском обществе.

шолтфа

Ю.Г.Коргунюк

ОТ ПСЕВДОДОМИНИРОВАНИЯ К ПСЕВДОГЕГЕМОНИИ?

Новинки российского
ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА — ЛЕТО-2006

Общепризнанным недостатком системного подхода является его статичность. Гарантируя успешное изучение структуры объекта и механизма его функционирования, этот подход даёт сбой, когда возникает необходимость объяснить причины изменения характеристик объекта, его последующей трансформации и дезорганизации. Иными словами, отвечая на вопросы «что?» и «как?», системный подход пасует перед «почему?». Подобно знаменитой апории Зенона об Ахилле и черепахе, он режет по живому – разрывает неразрывное, отрицая самое движение.

Напротив, исторический подход легко справляется с вопросом «почему?», давая объяснение практически всему, с чем имеет дело, причём обычно не одно, а целую серию. Однако цена этим объяснениям становится видна, как только очередь переходит от обобщений к деталям: конструкции, выглядевшие правдоподобными с высоты птичьего полёта, при ближайшем рассмотрении теряют свою убедительность.

По всей видимости, мастерство исследователя состоит в умении сочетать системный и исторический подходы, причём таким образом, чтобы изучаемый объект предстал как нечто целое, а не распался на две не связанные друг с другом «картинки», первая из которых описывает его структуру и функции, а вторая – становление и развитие. Удаётся это не многим.

Так или иначе, самое трудное для исследователя – это объяснить развитие системы, того, что в силу относительной самодостаточности вроде бы не должно развиваться, а тем более распадаться. Между тем временная ограниченность любой системы – такая же аксиома научного знания, как и системная самодостаточность. Система, если её существование не прерывается досрочно внешними обстоятельствами, переживает периоды зарождения, становления, расцвета, зрелости, увядания, упадка и окончательной дезорганизации, т. е. смерти. Этому циклу подчинены и общественные системы, отличие которых от систем природных заключается в ещё большей недолговечности.

В особенной степени это касается политических систем, чей период существования укладывается, как правило, в несколько десятков лет – обычно не более трёх. Последнее утверждение, конечно, плохо согласо-